

ПАУЛЬ О. Г. — в НКВД

ПАУЛЬ Ольга Георгиевна. Педагог, до 1919 — работал в Москве, с 1920 — методистом в Уфе. 2 ноября 1923 — арестована, приговорена к 3 годам ссылки и 13 ноября отправлена в Архангельск.

В январе 1924 — обратилась с заявлением в Центральную Комиссию НКВД.

<18 января 1924>

«В Центральную Комиссию при Народном Комиссариате
Внутренних Дел по делам административно-ссылных

административно ссылкой
из г<орода> Уфы в Печерский
край Архангельской губ<ернии>
Пауль Ольги Георгиевны

Заявление

Три причины побуждают меня обратиться в Комиссию с просьбой о пересмотре моего дела и, если возможно, отмене приговора: 1) глубокое сознание отсутствия каких-либо контрреволюционных побуждений в моей деятельности; 2) большая методическая работа в Уфе, брошенная на полпути и, наконец, 3) узколичная причина: в Уфе остались моя мать 71 г<ода>, материально необеспеченная, без родных, больная, перевести которую в холодный Печерский край вещь немыслимая.

С момента Октябрьской Революции я твердо заняла позицию поддержки Советской власти и от моей позиции не отступала ни в 1917-1919 г<одах>, работая в Москве, ни в 1919-23 г<одах>, работая в Уфе.

Я, прежде всего, педагог и потому свою задачу видела в том, чтобы отдать свои знания и опыт хорошей постановке педагогического образования и принять участие в организации новой школы с новым, более нормальным взаимоотношением учащихся и учащихся; в сообщении возможно больше научного исследования, который послужил бы канвой для работы преподавателя политически грамотн<ого>. Естественный путь для этого я видела в нормальной постановке школьного самоуправления, при которой учащие и учащиеся могли работать в полном контакте, сообща творя жизнь в своей маленькой республике. Над организацией школьного самоуправления я работала все время и результатом этого явилась привычка учащихся со всеми, не только школьными, но часто и личными делами обращаться ко мне. Так было и этой весной — группа молодежи просила провести с ними летом кружковую работу, т<ак> к<ак> зимой, занятые днем на службе, а вечером в школе, они не имели времени для кружковой работы. С июля мы начали работу — сначала в 2 кружках, потом один распался, а второй регулярно работал до моего ухода из школы. Кроме того, бывала у меня группа молодежи, наметившая переход из более слабой параллели в более сильную, для бесед по отдельным вопросам курса, которые они разрабатывали самостоятельно. В конце лета часто бывал у меня и председатель Школ<ьного> ком<итета> по вопросу переработки устава. Работа шла у меня на дому с ведома заведующего школой, и я никакой опасности для себя в этих посещениях не видела, ведь и раньше молодежь бывала у меня.

На эти посещения молодежи ГПУ взглянуло к<а>к на собрания, имевшие связь с перемещением трех преподавателей из одних групп в другие. Должна заметить, что кружок, работавший у меня, почти не был заинтересован: преподаватели литературы и физики у них были другие, а к постановке естествознания, к<а>к это и обыкновенно бывает, с людьми,

интересующимися гуманитарными науками, — они относились безразлично. От преподавателя Школ<ьного> ком<итета> я слышала и о неудовольствии учащихся постановкой трех предметов, и о предполагавшихся собраниях, но интересуясь главным образом юридической стороной вопроса, я заботилась, чтобы молодежь не было допущено ничего, не дозволенного уставом. Работы преподавателей, о которых шла речь, я не знала, т<ак> к<ак> они поступили в школу после моего ухода из заведующих, полагаться же только на отзыв учащихся я не считала возможным и потому держалась пассивно.

Что касается моего отношения в Аввакуму, то должна сказать, что в 1919-20 г<одах> положение с преподавателями физики в Уфе было критическим. На все учебные заведения — два физика. В то время я была заведующей школой и разыскивала преподавателя физики; поэтому, когда один из заведующих школой II ст<упени> сказал мне, что у него физику преподает дьякон, окончивший физико-математический факультет, я, с разрешения Горono, пригласила его в свою школу. Его идейной работой, шедшей где-то в старой Уфе, я совершенно не интересовалась, т<ак> к<ак> вообще вопросы церкви для меня чужды. Когда же этой осенью, уже будучи архиереем, он спросил моего мнения о возможности для него педагогической работы, — я откровенно сказала, что нахожу это неудобным, но зависит это от мнения заведующего и школьного Совета.

Наконец по поводу моего отношения к делам ПИНО.

Как педагог и как человек, широко понимающий задачи педагогического учебного заведения, я не могла относиться равнодушно к упадку, который чувствовался в ПИНО. Конфликт разыгрался вокруг вопроса о школе при ПИНО. В этой школе, долженствующей служить лабораторией методической работы, не только не работал ни один из методистов ПИНО, но эта школа совершенно не была внутренне связана с ПИНО. Постановка педагогических опытов со строгим их учетом мне, как и ряду других преподавателей, представлялась совершенно необходимой. Только при таком подходе к делу мы могли надеяться на выпуск действительно подготовленных преподавателей для школ II ст<упени>. Кроме того в ПИНО весной должны были быть перевыборы Правления, но почему-то откладывались. Т<ак> к<ак> ректор к этим вопросам относился равнодушно, то группа преподавателей решила устроить заседание для выяснения необходимых преобразований. Два заседания преподавателей и 1 собрание 2 методистов состоялись у меня, — причины были две, мое положение в ПИНО было нейтральным, и у меня была бывшая терраса. Из положения наметилось 2 выхода: 1 — остаться с тем же ректором, но усилить работу методических комиссий; 2 — если будут перевыборы — выдвинуть других кандидатов. Кандидаты же были намечены. Недавно узнала, что в Правление ПИНО прошли как раз те лица из преподавателей, которые намечались летом, но не знаю — по назначению или по выбору.

Все время допросов в ГПУ я не знала — являюсь ли я обвиняемой или свидетельницей. После первого допроса, который последовал за общим ученическим собранием и арестом председателя Школ<ьного> ком<итета>, я предложила чтение лекций на курсах по переподготовке преподавателей. Мне было сказано, что это лишнее. Больше того, свои допросы ГПУ согласовало с моими свободными днями и часами. Мое предложение — ознакомиться с протоколами кружковых работ и протоколами заседаний преподавателей ПИНО — было оставлено без последствий. Все это заставило думать, что ничего серьезного за мной не числится. В половине октября мне было сказано, что дело ликвидируется. Я сочла себя свободной и подала заявление об уходе из 2 Сов<етской> шк<олы> II ст<упени>. Уход был вызван педагогическими соображениями:

было ясно, прежних близких отношений с учащимися быть не могло, оставить их значило дать повод к каким-то догадкам. Вслед за этим я снова была вызвана в ГПУ, где у меня спросили о мотивах ухода из школы и сказали: "напрасно". 1 ноября я получила повестку, 2-го мне было предложено подписать постановление о моей высылке в Печору Архангельской губ<ернию> и я была арестована. Моя просьба о свидании с прокурором не была удовлетворена, хотя мою высылку задержали до 13 ноября.

В Архангельске я узнала, что меня ссылают не в Печору, а в Печерский уезд, но т<ак> к<ак> сообщения с Печерским краем в настоящее время нет, то до весны я оставлена в Архангельске, но без всякого заработка. Губоно, куда я подавала заявление, ответило мне, что ГПУ работу по специальности мне не разрешает. Т<ак> к<ак> в Архангельске у меня нет ни души знакомой и в учреждениях идут сокращения, — то возможности как-нибудь здесь устроиться я не вижу. Здесь я, несомненно, обречена на моральную смерть, а у меня есть еще много энергии для работы и знаю, что могла бы еще быть полезным членом общества.

Пауль.

18/1 – 24»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. С. 22-23. Автограф.